

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕМАХ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.***Т. П. Нестерова*

Обращаясь к событиям русской истории, поэты первой трети XIX в. раскрывали характер русского человека, его самосознание не только в русле общегосударственных проблем, но и через изображение героя в частной ситуации, на первый взгляд далёкой от гражданских тем, поскольку в центре таких произведений стоят интимно-личные переживания, частный конфликт или частный результат общегосударственных событий, что определяет трактовку материала. Интересны на этот счёт рассуждения В. А. Жуковского в статье «Кто истинно добрый и счастливый человек?» (1803). В свете, названном им театром, человек находится «на сцене», где «окружён бесчисленными подпорками», следовательно, действует «не собственной силою». Общее мнение, которым так дорожат в свете, не является хранителем его «добродетелей», а представляет «единое» «честолюбие». Чтобы определить, действительно ли человек «с честью» служит Отечеству, является полководцем, не бледнеющим «в виду неприятеля», не теряющим «присутствие духа в минуту неуспеха или замешательства», то есть чтобы испытать истинный характер, необходимо посмотреть на человека в частной, семейной обстановке, скрытой от людей, в которой он «действует без свидетелей», «не может удивить ложным блеском». «Здесь» каждый «снимает с себя заимствованные покровы, свободно придаётся естественным своим склонностям, никому, кроме себя, не даёт ответа»¹.

Наряду с произведениями, в которых сюжеты основаны на личных (чаще любовных) отношениях, где национальные, временные рамки не только не были важны, но практически часто даже не заявлены авторами, поэты активно привлекают ситуации, где перипетии частной жизни, хотя и имеют неофициальный характер в жизни героев, но основываются на историческом материале. При этом замыслы поэтов часто простираются не на близкие к XIX в. эпохи, а на глубокую древность, в которой их интересуют реальные личности. Такая установка требовала от поэтов сознательного ориентира на правдоподобие изображаемой обстановки, имеющей реальную подоплёку в биографических сведениях конкретного лица. Надо отдать должное умению поэтов соединять историческую и художественную реальность: фантазия не имела ярко выраженного диссонанса с историческими событиями избранного времени, не противоречила летописным фактам из жизни исторических личностей — героев произведений. Свидетельством тому является активное внесение поэтами в художественный текст подстрочных сносок и справок исторически-познавательного характера, не свойственное поэзии предшествующего столетия, которые помогают уточнить факты, события, отношения между героями с точки

зрения их соответствия исторической достоверности. В произведениях с героем в частной ситуации особую роль играет имя, за которым стоит реальная личность. В. П. Сомов пишет: «Имя исторического деятеля в поэтическом произведении — деталь словесного художественного полотна, которую можно было назвать текстом в тексте, только особым — свёрнутым до названия»².

Человеку, владеющему хотя бы на минимальном уровне познаниями в древнерусской эпохе, уже из названия баллады С. Н. Глинки «Ольга Прекрасная и князь Игорь» (1808)³ будет ясно, что речь идёт об одних из первых правителей на Руси. Автор на основе любовной истории строит теологическую концепцию создания много веков назад сильной государственной власти в Отечестве, укрепившей духовный потенциал народа. Встреча Ольги с будущим правителем Руси Игорем, известная из летописных свидетельств, представлена в поэме ниспосланной свыше, показывающей богоизбранность мирской власти, которая вершится не по человеческому разумению, а по Божьему соизволению. Мудрые слова девушки, поразившие юного Игоря, помогают в реальной встрече увидеть воплощение идеального, чему способствует и сама обстановка знакомства героев. Перевоз Ольгой, происходившей из рода Гостомысла, «того славного мужа, который начальствовал в Великом Новгороде до тех пор, пока, по его же совету, не был призван от Варягов на княжение Русское Рюрик с братьями»⁴, сына Рюрика с одного берега на другой символически обозначает воссоединение языческой Руси с христианским миром, чему способствовала в будущем княгиня Ольга.

Глинка, понимая, что сюжет о героях в частной ситуации, ориентированный на личную жизнь и индивидуальные переживания, не способствует освещению гражданской проблематики, находит выход в обращении к засюжетной реальности, т. е. в создании своеобразного эпилога, где сообщается о будущем княжении Ольги и Игоря как идеальном правлении. При этом упор делается именно на образ Ольги, что не случайно: она являет собой первенство в гендерном (первая женщина — правительница на Руси) и конфессиональном (первая русская княгиня-христианка) планах. В качестве критериев, являющихся главенствующими для благоденствия Отечества, Глинка называет личные черты правителя и осознание им ответственности за возложенный «венец» («Сердцем, мудростью, душою восприняла Ольга власть»), наделение народом властителей родительскими функциями по отношению к себе («Матерь всякой в Ольге зрит»). Но самое главное, по мнению поэта, заключается в видении народом княжения Ольги как «воли Вышней».

Во время Отечественной войны 1812 г. изображение героя в частной ситуации (прощание влюблённых перед неожиданной разлукой, ожидание девушкой жениха, прощание умирающего с родными и т.д.), преломляясь через героическое мироощущение времени, наполняется гражданским пафосом, широким эпическим размахом. Само название стихотворения Ф. Ф. Иванова «Меланхолия» указывает на обращение автора к интимно-чувственным переживаниям, которые под воздействием военной атмосферы наполняются патриотическими чувствами.

Прижав тебя к груди своей,
И показав на Бородинско поле,
Сказал: «Не жди меня, доколе
Не встанут здесь холмы из вражеских костей,
Доколе на Руси, на родине моей.
Врага останется хоть след незаметённый»⁵.

Любовь и война являются антитезой и в стихотворении А. Раевского «К Эмине», помогающей отчётливее показать не только человеческую судьбу, но и сущность самого человека. Герой, являющийся русским офицером, искренне и глубоко предан своей возлюбленной, но покидает её, чтобы бороться с врагами России. Обращаясь к возлюбленной, заявляет:

Эммина! Истинно лишь тот умеет,
Кто чистой к родине любовью пламенеет⁶.

В словах русского воина из «Песни» («Звук труб гласит врагов стремленье...») С. Н. Марина к любимой Лиле перед уходом на боевые позиции раскрывается суть его национального характера, в соответствии с которым смерть на поле брани — добровольный «жребий» «за отчизну».

Во всех примерах личные отношения идеальны, проблема невозможности счастья раскрывается автором в историко-военном ключе. Захватчик разрушает благоденствие родной державы, следовательно, исключается и личное счастье влюблённых. В поэзии той поры нет мотивов «роковой любви», из-за которой герой вынужден оставлять родные места, уходить на войну, специально подставляя голову под пули. Напротив, воин всегда желанен и любим. Соединение национально-государственных и любовных мотивов помогает поэтам создать образы защитников Отечества в гражданском ключе, перевести частную ситуацию на общественный уровень.

Избранницы воинов им под стать по своим душевным качествам. Их объединяет верность, долг, сострадание, милосердие. Героиня из баллады П. А. Катенина «Наташа» сама посылает друга на войну, так как

Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех –
В русских людях стыд и грех⁷.

Однако она не может пережить его гибель, случившуюся в Бородинском сражении в день её именин. Расставание влюблённых приобретает остроту национального размаха, что было злободневно в то время, когда решалась судьба России и каждый русский человек нёс тяжёлое бремя её участи.

В послевоенное время поэты всё чаще стремятся показать национальное самосознание через жизнь отдельного человека, то есть через «домашнюю», «семейную» историю. В основе сюжета баллад В. Л. Пушкина «Людмила и Услад» (1818) и В. К. Кюхельбекера «Рогдаевы псы» (1824) лежит одна ситуация: предпочтение героиней врага Отечества русскому человеку. Пушкин, развивая действие в русле забавности и лёгкого морализаторства, декоративной броскости действующих лиц,

обращается к эпохе Древней Руси, о чём свидетельствуют опорные слова: Днепр, Киев, витязь, терем, славянские имена героев (Людмила, Услад), национальная принадлежность соперника Улада — печенег. Пушкин, стараясь обелить героиню, объясняет причину её поступка женским непостоянством, но сам же переводит происшествие в иное русло указанием на то, что новый возлюбленный героини является печенегом, то есть врагом Руси. Автор самоустраивается от жёсткой оценки характера Людмилы, но русский мир, окружающий героев, при всей его трафаретности и непрочерченности, помогает дополнить морализаторскую мысль поэта народно-этической оценкой.

Проблема, лишь намеченная Пушкиным, более наглядно раскрыта Кюхельбекером. В его балладе точно определены временные (период княжения Александра Невского) и локальные (действие происходит в Новгороде) рамки, соединяющие героя с эпохой, известен его социальный статус (посадник). Всё это имеет значение для характеристики персонажа как русского человека определённого времени:

В советах и битвах успеха решитель,
 Не раз защищал он отеческий край;
 Повсюду срывал он торжество и победы:
 Пред сильным дрожали литовцы и шведы
 На сеймах крамольник пред ним умолкал⁸...

Если у Пушкина нет объяснения того, как Людмила попала к Уладу, то Кюхельбекер называет обстоятельство появления полонянки у Рогдая, вполне вероятное для Руси той эпохи. Его противником является не печенег, а татарин, что также соответствует реалиям времени. Фиксирование авторского внимания на сугубо личных переживаниях героев не затеняет проблему национальной гордости и русского достоинства, раскрытую через образ Рогдая, защищающего национально-государственные устои, в связи с чем его личная обида наполняется более глубоким смыслом. Реальность у Кюхельбекера более активно присутствует во взаимоотношениях людей, влияет на их судьбы, что находит воплощение в сюжете, развивающемся в двух направлениях (любовном и национально-историческом), которые, переплетаясь между собой, помогают перевести частный случай в рамки серьёзных размышлений. Поэт обозначает поступки героев как духовное деяние, каждому из них сопутствует определённая нравственность. За Уладом Пушкина и Рогдаем Кюхельбекера стоит мирообраз Руси с системой высоких моральных ценностей; героини, нарушающие национальные устои, вступают в конфликт не только с влюблёнными в них героями, но и с родиной, отторгающей их от себя.

И. И. Козлов изображает дочь фельдмаршала Б. П. Шереметева в поэме «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828) в романтическом возвышенном ключе. В соединении исповедальной формы и повествования о героине «со стороны» священником из поместья её отца раскрывается облик русской мученицы. При этом поэт старается максимально приблизить образ к тому, что зафиксировала о своей жизни Наталья Борисовна. В «Записках...», обращаясь к тем, кто будет читать её воспоминания, она пишет о своём замужестве: «Войдите в рассуждение, какое

это мне утешение и честна ли эта совесть, когда он был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могла; а так положила своё намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви»⁹.

Н. А. Полевой справедливо указывал на то, что «Козлов не вполне изобразил нам Наталью Борисовну, что действие в поэме его слабо и несколько изысканно», излишне описательно¹⁰, объясняя причину невозможностью автором из-за болезни изучить более подробно документы о том времени. Тем не менее при минимуме исторических реалий Козлов сумел создать достаточно полнокровный характер, сформованный, с одной стороны, традиционным русским воспитанием, с другой — впитавший в себя особенности Петровской эпохи, в которой прошли ранние годы героини. Поэт среди многих положительных качеств молодой княгини обращает внимание на крепость духа, помогающую ей перенести тяжёлые жизненные невзгоды. В отличие от других членов семейства Долгоруких в добровольную ссылку юная Наталья Борисовна прибыла нравственно подготовленным к испытаниям человеком, что помогло ей выжить в суровых условиях Сибири. Как это ни звучит парадоксально, будучи женой государственного преступника, невольно формально находясь в оппозиции к государственной власти, она представляет личность, на которую эта власть может положиться. По своим понятиям о чести княгиня Наталья Борисовна Долгорукая мало вписывается в своё время, запечатлевшееся в умах потомков чехардой на троне, безмерной властью фаворитов и общим падением нравственности. Зато в её воспитании имело большое значение заложенная с детства память об отце, подвижнике Петра I, о том времени, когда беспрекословное подчинение воле монарха означало служение государственным интересам. Всё это, соединяясь со смирением героини, сформированным православным воспитанием, помогло ей с честью преодолеть невзгоды, не озлобиться на власть.

Таким образом, изображение героя в частной ситуации помогает раскрыть события русской истории через мироощущение рядовых людей в частных обстоятельствах, что вводит бытовое поведение в разряд исторического, формируя духовно-нравственные идеалы русского человека.

¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. Т. 1–12. СПб.: А. Ф. Маркс, 1902. Т. 9. С. 30–33.

² Сомов В. П. Имена — символы в русской поэзии трёх веков // Наука в России. 2000. № 3. С. 58.

³ Русский вестник. 1808. № 5. С. 198–200.

⁴ Избранные жития святых: В 2 ч. Ч. 2. X–XV вв. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 12.

⁵ Амфион. 1815. С. 100.

⁶ Вестник Европы. 1815. № 5–6. С. 36.

⁷ Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / сост. В. Н. Орлов. М.-Л.: Худож. лит., 1951. С. 85.

⁸ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. М.-Л.: Сов. писатель, 1967. Т. 1. С. 192.

⁹ Долгорукая Н. Б. Записки. СПб.: Худож. лит., 1992. С. 10.

¹⁰ Полевой Н. А. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Сочинение Ивана Козлова // Московский телеграф. 1828. № 4. С. 550.